

ИМПЕРАТОРСКИЙ КЛУБ СЕВЕРНЫМ ОГОНЕК

Май-74

Н. СОЧИХИН

Видны далими вдали,
Видны всей нашей России.
И здесь а тайге стоят они,
Как елки новгородские.
И мы выходим на мороз,
К морозу мы привычные.
А небо все в заснувших
звездах,

Такое симпатичное.
Идем цепочкой, неспеша
Тропой, а снегу намеченной.
А буровая — хороша:
Огнями все расцветено.
Горят огни, зовут огни.

И нам с собой не справится,
Пусть их порой виднут елки.
А нам дружить не придется.
Не жалея, мы знаем
глазней —
Привычка, ли, привычка,
Неосторожности в стране —
Отвественное звание,
И онемом нам что нам не зря
Та буровая ставили,
А над тайгой встает зорька,
А мы уходим далеко.

Девочки с носичками
в фангилах
Сидеть бы им дома. Там нет!

Подай вот и все романтику
В семнадцать неполных лет,
Идут на большие стройки,
В поле, на фермы идут.
Трудно, но держатся стойко
И только задержат поют.
От пещи сердца волнуются.
Понятно, как гимн, летит.
С мальчишками соревнуются:
Кто кого победит!
Испытай вот таких, попробуй
На наших вольных ветрах.
Прикаждый в испечкаини:
Робак,
С мазолами на руках,
Иной и заргустится чего-то,
Но дружию тесен круг.
— Эй, девчата, а ну
за работу!
Улыбнутся — и радость вокруг.
Ах, девчонки, носички
да Бантики.
Друзья,
Что без этой вот самой романтики
Обойтись в нашей жизни
нельзя.

РАССКАЗ

— Можно? — приоткрыл дверь Леонид, после того как на его стук проткнула старческий голос.

— Что за война? — снова спросил он, удивляясь беспорядку в квартире, где обычный уют был нарушен общим скопом всех мебели, сдвинутой в передний угол.

— Переживаем, — совсем буднично отгадала мать Алевтины, будто благоустроенная квартира и сама перемена места жительства являлись непреодолимой тягостью, ибо весь вид ее старческих морщин говорил о полной venueжности забот.

— Куда? — все больше изумляясь, спросил Леонид. Печально обвел опустевшие стены, сожалея о всем эгонистическом потоке своих мыслей, с чем не мог смириться даже и теперь. Лысла лишь одна мысль — чувствовать в квартире себя полным хозяином. Мать, видимо, поняла его состояние и оценив по-настоящему значение новой квартиры, где комната отдельно будет для нее и дочери и где не придется мозолить глаза молодым, если все же не мечта — выдать Алю замуж — еще сбуредет, добавила с дегским восторгом:

— Квартиру дали! — И это слади провувало, как нечто несбыточное, и вдруг сбилось, озарив все ее старческие морщины сиянием молодости, вожделования мудрого признания материнской радости за новую квартиру и боли за все, что было в старой квартире, где она, старый человек, не желающий дочери зля, бывало считала себя виноватой в их не-

урядицах, ибо в одной комнате все на виду и ни от чего нельзя отвернуться.

— Где? — спросил Леонид, ибо признание тещи пинауало его за душу только теперь.

— Там! — махнула она рукой. — В пятиэтажных домах. В одном из них жила Леонид. И он понял, почему теща на радостях махнула рукой не в ту сторону, за что еще раз шпунт упрек себе,

не чувствовал. Вернее, не давал ему в ней притереться ни мать, ни сама Алевтина, хотя они хотели, чтобы он жил у них. И все же не могли поступиться своим честолюбием. Мать, как и всякая теща, желала иметь полное влияние на молодую семью, даже пыталась диктовать Леониду, чтобы и друзей он выбирал по ее указке. А Алевтина, замкнутая, упрямецка, была непримирима

А л е в т и н а

— Вся бригада Али поможет перенести вещи, — затараторила старая, справившись со своим волнением. — И машину обещали, но боимся, что все одним рейсом не перевезти, вот и уноят по мелочи.

Леонид видел, что здесь только для обстановки нужно две машины, не считая остальной утвари. Однако на помощь напрашиваться не стоил: не то, что подчинился самолюбно для другому протестующему чувству, а просто понял, что здесь без него обходятся в в помощи его не нуждаются. Видно было, что люди не одиноки и окружены заботой. Не то что он со своей самоуверенностью найти «более заметную» женщину.

— Может, поужинаешь? — между прочим, словно невзначай, предложила мать.

— Нет, — покачал головой Леонид, вспоминая упрек Алевтины: «Ты ходишь поест да поспать». Поначалу он, на него обиделся, но со временем согласился. Да, постоянным жильцом в этой семье он себя

ко всем новшествам мужа. Колочая своей резкостью, которую выказывает прямо в глаза, стараясь не осудить себя, она порой просто бесила Леонид. Не мог выносить он такого тягучего скрипа жизни, каждый раз стараясь вызвать на откровенность жену.

— Не люблю я тебя, — вспыхивала она, когда он уж очень сильно приставал со своей этикой, моралью и прочими элементарными отношениями, которые старался втолковать ей.

Однако, когда и у Леонид не хватало выдержки и он уходил со своим бараклом, а потом заходил к ним обязательно выпивши, то Алевтина с сожалением говорила: «Опять пьяный!» И с такой печальной истомой смотрела на него, что Леонид сам начинал верить в истину их отношений.

— А трезвого тебя не затянешь! — и начинала длинную женскую нотацию о вреде алкоголя. Леонид не мог понять этой женщины, тем более ее отношения, которые диктовались какими-то подспудными

чувствами неуравновешенного человека, человека, который в тридцать лет не хочет или не может понять, чего ему нужно от жизни.

Не успел Леонид опомниться, как в дверь постучали. «Она», — промелькнуло в голове, и он представил, как она блеснет глазами от сознания своего достоинства за полуученую квартиру.

— Войдите! — прервала его видения мать. Вошла женщина в женщица с девочкой лет семи. Они были незнакомы Леониду.

— Где Аля? — Она сейчас правит, а подружки пошли смотреть квартиру и взяли кое-что по мелочу, — с новой подробностью и легкой хвастливостью объяснила мать.

— А мы всей семьей решили помочь, — звонко шебегала женщина. Девочка занялась разглядыванием рисунка на шторах, девочка молчала. Молчал и Леонид.

— Проходите, садитесь, — накинула старая плед на кровать. Все тронулись в глубь комнаты Леонид — в дверь.

— Посиди, Леня, — решила остановить его мать. — В ночь на работу, — оправдался он, зная, что это приглашение — простая обходительность на людях. И ушел с какой мыслью, что виноват все же он. Он, а никто другой в неудавшейся жизни. Мать с Алевтиной со своими болями и радостями сража людей, а она, как позлая бобылка испуганного стебля, без радости и без опор — под открытым ветром.

А. КРОТОВ,
машинист эрлана
речного порта.

Н. ЕФРЕМОВА

Стихи для детей

КТО ТВОРИТ КАРАНДАШИ?

У меня — карандаши,
Краски и тетрадка,
А в рисунке, малыш,
Нет совсем порядка:
Солнце помалу светит,
Вверх лучи свои бросает,
А вверх — наоборот,
Дом стоит в дым идет.
Подскажите, малыш,
Что творят карандаши?

НАШ АНДРИЯН

Кто тут будет купаться
И в волнине плескаться.
Мыло в ручки возьмет,
Ножки водкой потрет?
Кто лодку обольстит,
Полотенем протрется,
Будет срем в руках?
Это наш Андриян!

НОВЫЕ САПОЖКИ

Купили Антошка
Красные сапожки,
Посреди кружочек,
Белый ободочек.
Как пойдет Антошка
В новеньких сапожках,
Обходить не нужно
Веселые лужи.
Радость у Антошка —
Новые сапожки,
Красные с кружочком,
С узелками носочком!
пос. Салым.

Ю. ЛАПИН.

Тропы геологов

Геологов тропы —
Белыми
И часто по каверзным
Землиным.
Сургутские тропы с белыми
Короткие тропы, длинные,
Зимой рванденные, осетые,
Осетом выветренными, песчаные,
Они с нефтяной падешиной,
Поселены потом, пресные.
Кочками тропы, мовальными,
Мечты здесь о ветрах
в пресных.
И дым отработной газели
Вылетал тропы доселе.
Здесь людям ковку бы
клубного,
Подушки бы — грохотуясь
не.
Но люди ищут победы
Силы и чувства свет.

Рюкзак у него. Колени
В перегрузе дивной
дрожат...
Мы идем по привычной
прямой,
По маршрутам изогранным
спирт.
Валод за нами слышат
ветер.
Все ершитесь в пологости,
Только пятится бобыло лето

Л. СМОЛНИКОВА

РАЗДУМЬЕ

А туманы холодной ночи —
Кем и тысяч лет назад,
Ты узнаешь обо мне
захочешь,
Только что я могу сказать!
Как тебе рассказать
о потерях
И пра радкую радость
в окне!
Где же нашей надежды
берег?
Где дорога моя и тебе!

Б. БОРОВНИНСКИЙ.

Привет, дружнице Сургут!

Кто ты мне, Сургут, —
Товарищ или друг?
Стар ты или молод,
Скажи, какой ты город?
И как тебя назвать,
К тебе как обратиться,
Если ты ло имени
Не красная девица?

Привет:

Дай руку, товарищ Сургут!
Эхорошо, парель Сургут!
Здравствуй, дедушка Сургут!
Привет, дружнице Сургут!

Молод ты — не стар,
Рабочим парнем стал,
Строим новый город,
И я годами молож.
А дедушкой назвать,
Пожалуй, не годится.
Пусть ты будешь только им
В сказаньях летописца!

Привет:

Если ты, Сургут, —
Творенье моих рук,
Боль моя и счастье,
Которое не часто,
И если я не гость,
И сердца ты частица —
Кто ты будешь, город, мне?
К тебе как обратиться?

Майский подарок.

Фотобюро П. Левченко.